

*Моск. новости -
1995 - 7 март -*
Сценография
мозга *с. 19.*

ЗА РУБЕЖОМ

70-летний Питер Брук, живой классик, привез в Нью-Йорк новый спектакль «Человек, который принял шляпу за жену».

После театрального исследования индийского космоса в 9-часовой постановке «Махабхараты» режиссер создал 90-минутное исследование одной части человеческого тела — мозга.

Со своей парижской труппой (английский режиссер уже давно живет во Франции) маэстро поставил пьесу, основанную на одноименной книге своего соотечественника психиатра Оливера Сакса.

Хотя новый спектакль Брука в шесть раз короче «Махабхараты», подготовка его заняла те же семь лет. Основной метод режиссера — совмещение сложности темы с предельной лаконичностью постановки — оправдал себя и на этот раз. На сцене два стула, стол и два больших телевизора. Четыре актера поочередно играют докторов и пациентов.

— Я хотел создать спектакль одновременно документально близкий к реальности и далекий от нее, как миф, — говорит Брук. — Без мифа зрителя не очаруешь, без документальности не взволнуешь. Мы с рождения принимаем нормальную работу мозга как данность. Но в безотказности этого механизма нельзя быть уверенным. Угроза поломки висит над каждым.

Актеры Питера Брука проводили сутки в клиниках. Их наблюдения воспроизводились на репетициях.

— Мы шли от копирования внешних проявлений к постижению внутреннего состояния больных, — объясняет Питер Брук. — Вообразить болезнь Паркинсона или эпилепсию невозможно. Получится театральщина и ложь. В этом было наше отличие от системы Станиславского: мы шли от внешнего к внутреннему.

Об актерах Питера Брука надо сказать отдельно. Их главное качество в том, что они... никакие. Они какие-то, по Пастернаку, «впавшие в неслыханную простоту». Или по Бродскому, «ставшие частью пейзажа» из больничных стульев и стола. Они не поражают яркостью красок. Они — бесцветные пациенты. Больные.

— По-моему, — замечает Брук, — чем талантливее актер, тем меньше в нем приемов и примет актерства. Иногда моих артистов с раздражением спрашивают: вы вообще раньше играли? И это наивысшая похвала. Мы показываем людей, живьем пересаженных из жизни на сцену. Я называю это прозрачной игрой, в противоположность виртуозной игре.

Что станет темой следующего спектакля мастера?

— Сам театр, — отвечает он. — Что он такое, что мы делаем в нем. Но больше я о постановке пока сказать не могу. Потому что сам не знаю. Я каждый раз начинаю с нуля.

Дмитрий РАДЫШЕВСКИЙ,

*собкор «МН»
Нью-Йорк*